

Воспоминания

Летописец советской деревни

«ММ» продолжает публикацию документальных рассказов Людмилы Коноваловой

Повествования самодеятельного автора отличаются живым самобытным языком. Её удивительная память сохранила для потомков свидетельства полуголодной жизни послевоенной деревни, яркие характеры земляков, а главное – реалистичные описания жестоких испытаний, выпавших на долю детей военного поколения.

«Поминай меня любимой песней»

Раскрываю свою книгу: «Родословная. Память». Одно из воспоминаний посвящено тётке Наташе Петровой, у которой я, деревенская девчушка, жила в домработницах. С тех пор прошло больше 60-ти лет. Мы голодали в войну, и после войны в колхозе было голодно. Колхоз покупает трактора, сеялки, косилки, молотилки. Всё надо! Истрадалась земля, истрадались по работе вернувшиеся с войны мужики. Работы в колхозе всем хватает. От зари до зари готовы работать и мужчины, и женщины, и подростки. Трудодней зарабатывают много, перевыполняют норму. Как надо работать, чтобы заработать один трудодень? Очень хорошо, честно, как требует земля – наша кормилица.

Трудодней на посевах, на сенокосе, на уборочной зарабатывают много. В конце года распределяют то, что осталось от налогов. И приходится на один трудодень по 300–400 граммов ржи. При низком урожае ещё меньше: по 100 граммов. Получит семья два-три центнера ржи, и опять впроголодь. Вся надежда на свой надел земли в 50 соток. 25 соток хозяин старался засеять рожью, пшеницей или горохом, на худой конец – викой. Конечно, не голод, но и хлеба мы ещё досыта не ели, не видели чистого хлеба, хоть и живём на этой земле-кормилице.

Колхозная молодёжь, 15–17-летние, всю зиму на лесозаготовках. С ноября по март им полагается паёк: питание и кусок мыла. А дрова нужны городу: паровозам, детсадам, школам и больницам. Да ещё деревня платит налоги. Сдаём государству шерсть, яйца, молоко: 130 литров – летом отдай. А выпасов для скота нет. Вся земля распахивается под зерновые. Деревни через три-пять километров, и в каждой свой колхоз. В нашем Шахунском районе 38 деревень. И каждый колхоз строго следит за своими землями. Как иначе, ведь райком партии спросит, как мы сообразим ленинский принцип союза рабочего класса и крестьянства. Понимаем, надо помогать рабочим восстанавливать разрушенные войной города, заводы, фабрики. Мы всё понимаем, в нитку вытягиваемся, чтобы помочь городу. Ленинский принцип не нарушаем, но нет уже моченьки! Совсем задушили налогами. Соль выступает на хребте у колхозника. Ведь ему и своих детей кормить надо.

Четвёртый год мирной жизни, а дети ещё не ели хлеба без примесей. Голодно

Окончив четыре класса, уходили девочки в няньки «из-за хлеба» – единственной платы городских хозяев 12–13-летним деревенским нянечкам. В городском хлебном магазине меня облюбовала продавец

Людмила Коновалова

Наташа Петрова: «Девочка, помоги мне сумочку нести». Ну разве воспитанная девочка откажет? Пока шли от магазина до её большого, деревянного, пятистенного под тесовой крышей дома по улице Карла Маркса, спрашивала, есть ли родители, хочу ли учиться? И сразу же усадила за стол с самоваром. Угощала, как лучшую гостью, чаем с колотым сахаром, вареньем, белым батоном, который я пробовала первый раз в жизни.

И стала я служить в доме тётки Наташи «из-за хлеба». Поступила в вечернюю школу. Мне завидовали деревенские девчонки, что я служу в такой добротной семье, да ещё и учусь вечерами. Многие из наших учеников ШРМ ходили в магазин, где работала продавцом моя хозяйка – тётка Наташа. Они в один голос нахваливали меня. А она мою дополнительную нагрузку, занятия с отстающими учениками, приняла без радости, даже укорила:

– Четыре дня ты учишься для себя, а два дня благородно даришь этим великодушным лбам! Ты подумай и обо мне, иногда уснуть не могу, переживаю, что твой стук в дверь не услышу.

– А вы не спускайте Лорда. Я как пройду, сама спущу.

– Он старый, изорвёт на куски.

Лорд взлаивал, когда я подходила к дому. Шумно открывался засов, тётка Наташа, высунувшись с крыльца, звала Лорда и держала эту злую животику, пока я проскочу по деревянному тротуару от ворот до крыльца. Бренчала цепь, задвигался засов в сенцах. И так каждую ночь, кроме воскресенья.

Мои ученики подтягиваются и скоро не будут нуждаться в дополнительных занятиях. Договорнайма не меняем. Другим домработницам тётка Наташа к питанию прибавляла деньги. Я благодарна, что она отпустила учиться. Питание скромное, для всей семьи одинаковое. Вечером тётка Наташа проверяла мою работу. Белой тряпочкой протирала двери, подоконники и часто показывала пыльные следы: «Завтра уж постарайся, Люсенька!»

Но завтра работы наваливалось ещё больше. Я стирала, мыла, готовила. Её племяннице Ниночке гладила коричневое кашемировое платье в складочку, фартучек, галстук пионерский. Пришивала кружевной воротничок и манжеты. И так каждый день. Ниночка была младше меня на два года. Училась без троек, но часами занималась зубрёжкой. Историю и географию слово в слово заучивала. Я не понимала, зачем надо зубрить. Зато я за целый день не могла выкроить и полутора часов для подготовки к занятиям. Выручал мой любимый

школьный подоконник. Перед тем как зайти в класс, читала историю, географию.

Работы у домработницы хватало. Кажется, всё под руками. В деревне полоскать бельё ездила на речку. Здесь и осенью, и зимой полощу у колодца в оцинкованном корыте. Поленица дров – возле сарая, коза – в сарае, Лорд – в конуре, туалет – в ограде за сараем. В подполье все овощи в сусеках. В бочечках дубовых – соленья, варенье в засургученных банках. В комнатах дорожки домотканые, которые стираются раз в год, еженедельно выхлопывают от пыли. А вот в кухне половики каждый месяц надо стирать. Дом большой, семья большая, и без прислуги тётка Наташа никогда не жила.

Летом работаю в деревне. Брат Николай устроил меня, 15-летнюю, весовщиком в МТС. С начала жатвы и до её окончания следую за комбайном из колхоза в колхоз. Вместе с кладовщиком надо принять зерно от комбайна и оформить документы для МТС. На второй сезон Николай оформил меня младшим лаборантом в госинспекцию по качеству семян.

С началом учебного года прихожу к тётке Наташе. Она была очень красивой женщиной, из богатой семьи, но совсем неграмотная. Её муж во время НЭПа имел магазины, и Наташа ему помогала. Научилась на счётах умножению и делению. Изумительно считала, умела всё, что необходимо для торговли. НЭП закончился, муж стал госслужащим. Потом война, после окончания он работал начальником ОРСа. После его смерти Наташа, хоть и была в возрасте, продолжала работать. Отчёт ей составляли племянницы Валя и Нина, а она только ставила подпись: Петрова. Детей не было, она заботилась о племянницах. Их мать Ольга – родная сестра тётки Наташи, работала продавцом на железнодорожной станции Горьковской железной дороги. Когда приезжала Ольга, для меня наступало мучение. Настраивает она кучу белья и заставляет гладить.

Я всё могла гладить, но её карманчики на костюмах, платьях, рюшечки на ночных сорочках!..

«Через марлечку, не сожги, аккуратно разглаживай!» – наставляла она меня.

Тётка Наташа мне доверяла. Ключи от шкафчиков, сундуков, чулана держала в тайнике, и об этом знала только я. Одевалась она очень скромно. Я задумывалась, почему она одета не лучше моей мамы –

колхозницы. Однажды тётка Наташа позвала меня в чулан, открыла сундук и стала кидать мне на руки шкурки. Мы внимательно осматривали каждую шкурку: «Смотри, у тебя глаза хорошие, не побила ли моль?» Меха развешивали, сушили на солнышке. В другом сундуке хранились отрезки драпа, шерсти, габардина, сукна. Осмотрели, не побила ли моль, просушили и опять в сундуки закрыли.

– Такое богатство! Я бы на вашем месте...

– Что бы ты на моём месте?

«Сшила и носила, а то ходите, как колхозница», – хотела было сказать, но смолчала.

– Договаривай! Не обижусь.

Осмелела я и выпалила:

– Как последнее donaшиваете, – так обычно выражалась моя мама. – Да и то правда. Чего берегу, кому берегу? – согласилась тётка Наташа.

Зимой она отдала шить костюм: юбку и пиджак из серого дорогого драпа с воротником лисы. А я радовалась, что надоумила её.

Тётка Наташа стала ещё красивей. Просто не узнать стало 56-летнюю женщину. Сколько комплиментов наговорили ей знакомые соседи! Но вскоре после всеобщего траура, смерти И. В. Сталина 5 марта 1953 года, тётка Наташа испортила костюм. Поскользнулась на тротуаре, и мы вместе упали в снежную, грязную кашу. Поднимаю её и не могу удержаться от смеха. «Перехвалили, позавидовали!» – обвиняла она кого-то.

На следующий день соседи и знакомые опять увидели её в старом пальто с вытертым воротником, изрядно поношенными обшлагами.

Через три года мы встретились с тёткой Наташей. Я приехала в отпуск в починок Гусевский, расположенный в четырёх километрах от города Шахуньи. Проходя по улице К. Маркса, не удержалась, остановилась у знакомой калитки. Лорда не было. «Умер, наверно», – подумала я. За одно мгновение промелькнула вся моя жизнь в этом доме. Звякнула щеколдой, жду. Вышла Таисия – сестра тётки Наташи.

– Наташенька будет рада. Заходи, а то умрёт, и не повидаетесь.

Пообещала, что обязательно навещу, как только увидаюсь с родной матушкой. Через сутки пришла к тётке Наташе. Зайдя в дом, почувствовала запах нафталина. Проходя через зал, увидела содержимое сундуков, которые три года назад мы развешивали в строгой секретности. Меха, драпы,

коленкорковые занавеси, десятки лет хранившиеся в сундуках, были разложены по кучкам на стульях, подоконниках.

– Подарила бы тебе, да всё уже раздала, – с обречённостью и обидой в голосе показала она на кучки пронафталиненного добра.

– Тётка Наташа, дорогая моя, теперь я ни в чём не нуждаюсь. Купила себе одеяло из верблюжьей шерсти за 46 рублей.

Почему похвасталась одеялом? Не об этом нужно говорить. Искала слова, которые говорят в такой ситуации.

– Не успокаивай, я знаю: жизнь кончена. Лучше расскажи, как устроилась.

– Работаю на Магнитогорском металлургическом комбинате токарем четвёртого разряда. Хорошо зарабатываю, живу на квартире. Хозяйка с меня ни копейки не берёт: с хозяйкой, как сёстры родные.

Непонятно, что такое комбинат? Большой завод, чугуны и сталь выплавляют тысячами тонн. Дымно, правда, на территории комбината. 70 тысяч работающих, половина – молодёжь, 13 тысяч комсомольцев. Вот часами меня наградили в честь 40-летия комсомола, а часов-то было только 13 штук. На каждую тысячу – один.

Ну, понесло меня, опять хвастаюсь. Ладно, в деревне перед девчонками да перед мамой хвасталась и показывала свою «Звезду», а ей-то зачем? Но меня слушают с интересом.

– Значит, ты одна из тысячи? Молодец! – поощряют на разговор женщины.

– А работа тяжёлая?

– Работа токаря не из лёгких – всю смену на ногах. Особенно трудно в ночную смену. В пять часов утра глаза сами закрываются, боюсь в патрон врезаться. Винты нарезаю резцом, резьбу трапецеидальную и прямоугольную. Уж километры этой резьбы нарезала.

Глядят на меня женщины с удивлением. Стол накрыли, самовар на столе.

– Вот печенье, пряники мятные, конфеты-подушечки, варенье, – угощают меня женщины.

– Ночью, чтобы не уснуть, песни пою во всю глотку, ведь всё равно не слышно из-за гула станков.

– Ты, Люсенька, поминай меня моей любимой: «За дальнею околицей, за молодыми вязами», – просит тётка Наташа.

Женщины вполголоса, чтобы сделать ей приятное, поют: «Мы с милым расставались, клялись в любви своей». По щекам тётки Наташи катятся слёзы, она смотрит на меня счастливыми глазами.

– Не лучше ли тебе жить в починке своём, дышать свежим воздухом, а работа всегда найдётся, – стали советовать женщины.

– Да вы что, я так полюбила Магнитогорск! Город молодой, построил его комсомольцы в 1929 году. Посреди города – река Урал. Каждый день ездим на работу из Европы в Азию. Целый час на трамвае.

У меня время расписано до минуты. Субботники и воскресники по благоустройству территории возле своего цеха «куст проката» и в парке металлургов, художественная самодеятельность, учёба в пединституте на заочном отделении, собрания, конференции, смотри. Я такая счастливая, прямо всех обнять хочется!

Женщины убирают со стола самовар. Мы опять вдвоём с тёткой Наташей. Очень она была довольна, что я навестила её:

– Поминай меня. Я всегда желала тебе только добра... Как хорошо мы с тобой жили, – гладила она мои руки и плакала.

Это была последняя наша встреча. Через неделю тётка Наташа умерла.

1968 год